

М. А. Балышев

«Белой акации зфоздъя душастыс...»

Астроном Николай Федорович Бобровников

Н. Ф. Бобровников. Прага, 1923 год

«На протяжении нескольких лет после войны я постоянно видел один и тот же сон: мое изложение коммунистами и кого-то, кто никак не мог расстрелять меня. В этот момент я всегда просыпался...» [11, с. 182]. Это строки из рукописи так и не изданной книги «Моя жизнь: 1896–1924» Николая Федоровича Бобровникова, которая хранится в архиве Линекской обсерватории (США). Словно красной нитью они пронизывают воспоминания человека, давно ушедшего из жизни, надеясь на встречу с читателем.

Можно по-разному относиться к историческим событиям 20-х годов XX ст. в Украине-России и к людям, которые защищали свою Родину там, куда их позвал долг. Но особенно велика ответственность перед прошлым у современного исследователя, который реконструирует творческую биографию ученых, тех представителей передовой науки, чьи идеи и жизненный опыт не утратили своей значимости.

К сожалению, имя талантливого американского ученого и организатора науки украинского происхождения Н. Ф. Бобровникова сегодня практически забыто: историки науки посвятили ему лишь несколько скромных публикаций.

В общем достоянии человеческой культуры вклад отдельной личности, как правило, оставляет малозаметный след. Ведь лишь немногим в социальной истории выпала иная, счастливая доля. Но мысли этих избранных, их идеи не исчезают со временем, не гаснут, не нивелируются в процессе общечеловеческого интеллектуального прогресса,

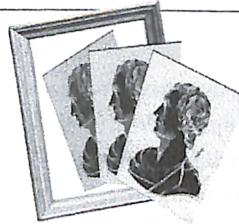
а с годами еще ярче сияют своими гранями, поражая нас глубиной проникновения в сущность вещей.

* * *

Николай Федорович Бобровников родился 29 апреля 1896 года в деревне Марковка недалеко от Старобельска бывшей Харьковской губернии. По окончании Старобельской классической гимназии (1914) по настоянию семьи он поступил в Горный институт в Петрограде, хотя мечтал об астрономии. В 1916 году в связи с событиями на фронтах Первой мировой войны и объявленной дополнительной мобилизацией Н. Ф. Бобровников, студент первого курса, попадает во Владимирское военное училище (в Петрограде). Через год, окончив училище в звании прапорщика, едет на фронт (1917). После подписания мирного договора в Брест-Литовске (март 1918 г.) Бобровников возвратился домой с твердым решением получить университетское образование.

В сентябре 1918 года он становится студентом астрономического отделения физико-математического факультета Харьковского университета. К занятиям астрономией Бобровников приступил под руководством профессора Л. О. Струве; в это же время состоялось его знакомство с сыном научного наставника – Отто Струве (в будущем – ученым с мировым именем, президентом Международного астрономического союза), также вернувшимся с Турецкого фронта Первой мировой в университетские стены. Со временем их студенческое общение переросло в крепкую дружбу, и О. Струве на протяжении многих лет принимал самое деятельное участие в судьбе Николая Федоровича [2, с. 150].

Уже в середине первого семестра, в связи с начавшейся Гражданской войной, Н. Ф. Бобровников вновь вынужден прервать свое обучение. В первые дни нового

1919 года, руководствуясь личными убеждениями, он вступает во Второй Дроздовский полк Добровольческой армии генерала В. З. Май-Маев-

Прапорщик Н. Ф. Бобровников.
Петроград. 1917 год.

ского. Вспоминая те дни, он писал: «Моим первым днем в составе Добровольческой армии стало 5

Всю Гражданскую войну Николай Федорович прошел в звании поручика. В рукописи своей неопубликованной книги, собранной по записям из дневников, которые он вел во время войны, Бобровников отмечал: «Вступая в Добровольческую армию без особого энтузиазма, я особенно был обеспокоен жутким состоянием ее морали. Для большинства наших офицеров Добровольческая армия оказалась просто убежищем от коммунистического террора. Когда люди загнаны в угол и методично уничтожаются, им уже ничего не остается, как сражаться. Я убедился, что в подобных скоплениях масс существовал лишь один процент идеалистов по одну сторону, с равным процентным соотношением по другую сторону. Остальным же пришлось воевать либо на одной, либо на другой стороне, в зависимости от обстоятельств...» [11, с. 200].

12 мая 1919 года, получив тяжелое ранение в бою под деревней Холодная Балка (в районе Макеевки на Донбассе), он провел полгода в армейских госпиталях: сначала Ростова, затем – Кисловодска. Из дневника Н. Ф. Бобровникова: «11 мая в 10 часов нас

К сожалению, имя талантливого американского ученого и организатора науки украинского происхождения Н. Ф. Бобровникова сегодня практически забыто: историки науки посвятили ему лишь несколько скромных публикаций

января 1919 г. Я просто осознал, что борьба с коммунистами является моей обязанностью. Однако был весьма далек от того, чтобы опускать в себе воинственный дух...» [11, с. 173].

сменили и разрешили отдых на 24 часа. Мы возвратились в свое расположение, находившееся в нескольких километрах за линией фронта в крошечной деревеньке

Холодная Балка. Было действительно очень холодно, хотя винные деревья стояли в цвету...

К полудню мы снова оказались на изумрудно-зеленых полях. Здесь в буквальном смысле развернулось «горячее дело». Я стрелял так непрерывно, что мой деревянный приклад начал дымиться. Сколько человек убил в тот день, я так никогда и не узнаю, но коммунисты, наступавшие крупными силами, оказались легкой мишенью... Я подошел к группе раненых, прятавшихся за небольшим пригорком. Две пули прошибли у меня прямо над головой. Я приказал себе не думать о них, но в тот же момент ощущил, как будто кто-то ударила меня палкой в живот. Падая, я успел отметить: «Надо же, из всех мест, прямо в живот!» — и голубое небо надо мной стало быстро меркнуть. Я слышал, как солдат закричал: «Эй, белозерицы, скорее сюда, ваш командир убит!» — и далее все потонуло во мраке, как будто кто-то задернул прекрасный мир черной занавеской...» [11, с. 202].

К весне 1920 года вместе с отступавшим Дроздовским полком Бобровников оказался в Новороссийске; в первых числах марта в числе других раненых и больных он был эвакуирован английским военным транспортом на о. Кипр, где находился на лечении в британском военном лагере в течение полутора лет.

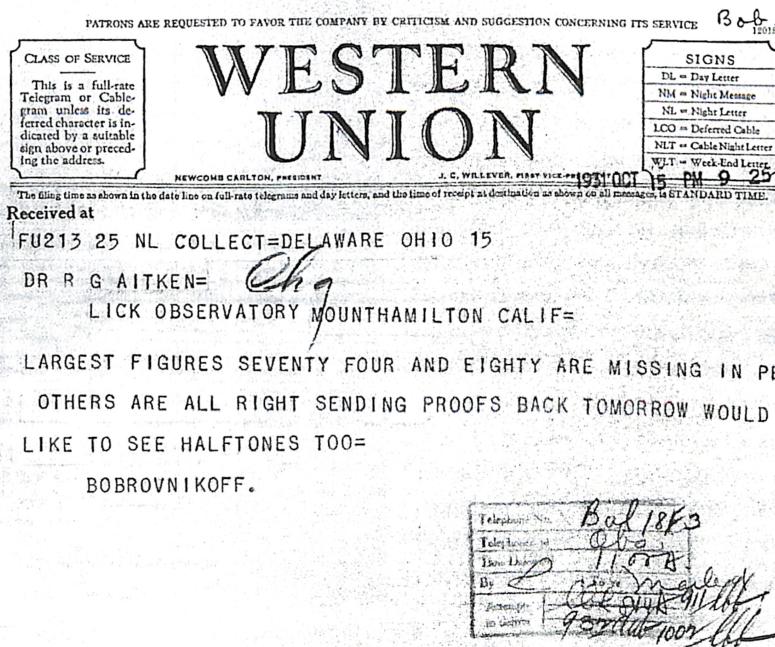
Ранней осенью 1921 года у него появилась возможность попасть в Европу и даже продолжить образование: через Грецию, перенеся голод и лишения, Н. Ф. Бобровников перебирается в Югославию и уже в октябре 1921 года становится студентом университета в Любляне. Месяц спустя, в ноябре 1921 года, он обосновался в Чехии, проделав обычный для того времени маршрут российского беженца [5, с. 94].

В Праге в Карловом университете (в 1921 году там училось

более трех тысяч русских беженцев) будущий ученый продолжил прерванные войной занятия по астрономии, математике и физике под руководством профессора В. В. Гейриха, специализировавшегося в области небесной механики и теории орбит; затем — в Русском институте у извес-

ком, Николай Федорович вступает в Русский студенческий христианский союз в Праге (одно из ключевых направлений в деятельности благотворительной американской организации YMCA¹ в Европе).

Хорошо зарекомендовав себя, он избирается президентом студенчес-

Телеграмма Н. Ф. Бобровникова в Ликскую обсерваторию. 1931 год

тных астрономов В. В. Стратонова и И. И. Сикоры. Николаю Федоровичу даже представилась возможность по практиковаться на небольшой Оптржековской обсерватории в предместье Праги. Стараясь обеспечить свой материальный достаток, одновременно реализовав себя в рабочей профессии, Н. Ф. Бобровников поступает в техническую школу, специализируясь на управлении и обслуживании тракторов.

Раздумывая над перспективой переезда в Соединенные Штаты, Н. Ф. Бобровников просчитывает многие варианты. И неожиданно находит достаточно простой путь: будучи, по утверждению современников, верующим и в то же время весьма активным молодым челове-

кого Союза; пользуясь расположением и поддержкой администрации Пражского отделения YMCA, в качестве поощрения Бобровников получил возможность посетить любой из американских университетов (на свой выбор) для стажировки по избранной специальности. Дорожные издержки (в размере 200 долларов) финансировал известный американский миллионер Александр Хайд [13, с. 47].

Известный американский астроном и историк науки Дональд Остерброк отмечал, что перед поездкой Николай Федорович обратился с письмом к своему товарищу по Харьковскому университету Отто Струве, к тому времени уже занимавшему достаточно прочное положение в Чикагском университете и Йерской обсерватории. Как

¹ Young Mens Christian Association (Американский христианский союз молодежи), благотворительная организация.

становится позже, Отто Струве оказал значительное влияние на дальнейшую жизнь Бобровникова, рекомендовав ему избрать новую специализацию в перспективной области астрономии — астрофизике (отказавшись от небесной механики). Таким образом можно было попасть в Йеркскую обсерваторию и заручиться его прямой поддержкой [14, с. 124].

Имея хорошее базовое образование (получив диплом магистра), в совершенстве владея шестью иностранными языками и вооружившись рекомендательными письмами, к осени 1924 года Бобровников был готов к поездке за океан. С оформлением документов, необходимых для продолжения его обучения в США, и получением американской визы ему очень помогли Отто Струве и Эдвин Фрост, директор Йеркской обсерватории.

Собрав среди студенческих друзей и знакомых в Праге еще

авторитетному участнику директора Йеркской обсерватории он был зачислен аспирантом Чикагского университета; крышей над головой ему теперь служил чердак Йеркской обсерватории.

Первые годы в США оказались особенно трудными: он обходился мизерными средствами. 60% университетской стипендии шли в счет оплаты за обучение; друзья, в первую очередь Отто Струве, помогали ему материально.

К концу 1925 года благотворительный Комитет помощи русским астрономам, организованный директором Йеркской обсерватории Э. Фростом, за счет средств, полученных от Российского студенческого фонда и Нью-Йоркского отделения фонда О. Д. Юнга, смог в несколько раз увеличить стипен-

чен к выполнению обсерваторской программы по изучению лучевых скоростей звезд при помощи 40-дюймового рефрактора.

Следует отметить, что становление Бобровникова как ученого-астронома и, по сути, начало его научной биографии также тесно связано с именем Отто Струве. Первая публикация Николая Федоровича (написана по итогам совместной работы и в соавторстве с ним) была опубликована уже в 1925 году в «Astrophysical Journal» под названием «Орбита спектроскопической двойной 16 Lacertae».

Летом 1925 года Н. Ф. Бобровников провел наблюдения своей первой кометы, что определило направление его дальнейшей научной работы: темой для своей диссертации он избирает малоизученный на то время объект — кометы (их структура и физическая природа).

Стараясь глубже вникнуть в избранную тему, начало 1926 года Бобровников провел в Райерсоновской лаборатории Чикагского университета, сконцентрировав усилия на спектроскопии молекул. Первые же самостоятельные шаги сразу принесли успех; Бобровникову удалось выделить ряд еще не исследованных особенностей в спектрах комет с молекулярными полосами и линиями.

Э. Фрост передал Н. Ф. Бобровникову часть незавершенной исследовательской работы, которую не успел закончить умерший в 1925 году один из йеркских астрономов. Николай Федорович дополнил и расширил начатое исследование. Ко времени защиты диссертации, которая называлась «Исследование природы и физических свойств комет», Н. Ф. Бобровников обобщил в ней результаты изучения спектрограмм 28 комет. Как отмечали американские астрономы, его диссертация не содержала каких-либо принципиально новых научных идей, но представляла собой

Уже в середине первого семестра, в связи с начавшейся Гражданской войной, Н. Ф. Бобровников вновь вынужден прервать свое обучение. В первые дни нового 1919 года, руководствуясь личными убеждениями, он вступает во Второй Дроздовский полк Добровольческой армии генерала В. З. Май-Маевского

около 120 долларов (на приобретение скромного багажа и оплату дороги во Францию), в начале сентября 1924 года Н. Ф. Бобровников из французского порта Шербур отправился в двухнедельное плавание в Америку и 24 сентября прибыл в Нью-Йорк. А уже 25-го благодаря

дию для Н. Ф. Бобровникова, но даже этого хватало лишь на очень скромное проживание.

От других аспирантов Николая Федоровича отличали хорошее знание языков и высокий уровень подготовки по естественным наукам. Вот почему он был привле-

тиательно продуманную исчерпывающую компиляцию огромного количества данных наблюдений, которые были грамотно проанализированы и значительно расширили общие знания о кометах [13, с. 49].

В июне 1927 года Н. Ф. Бобровников держит последний устный экзамен, который проходил публично, в присутствии практически всего персонала Йерской обсерватории и приглашенных профессоров-физиков из Чикагского университета.

Окончив университет, Н. Ф. Бобровников несколько месяцев работает ассистентом в Йерской обсерватории. Находясь под началом выдающегося американского астронома Дж. ван Бисбрука, Бобровников становится искусным наблюдателем; летом 1927 года при помощи 40-дюймового рефрактора Йерской обсерватории он произвел визуальные наблюдения кометы 1927 d Тиле в созвездии Волопаса. Благодаря его кропотливым усилиям удалось обнаружить наличие трех ярких полос излучения, резко выделявшихся на слабом непрерывном спектре: явление чрезвычайно редкое для кометы, удаленной от Солнца на 550 млн километров [6, с. 43].

Несмотря на официальное отсутствие вакантных мест на обсерваториях, Николай Федорович уже в качестве докторанта (так называемая postdoctoral fellowship), получив двухлетнюю стипендию от фонда Мартин Келлога (100 долларов в месяц), переехал в Калифорнию, в Ликскую обсерваторию (его рекомендуют известные американские астрономы О. Струве, Э. Фрост и Дж. ван Бисбрук, с мнением которых администрация обсерватории на горе Гамильтон не могла не считаться) [14, с. 62].

Поскольку физическое строение малых планет было изучено еще недостаточно, в Ликской обсерватории Н. Ф. Бобровников провел ряд наблюдений их спектров с однопризменным спектрографом при помощи 36-дюймового рефрак-

тора. Молодой ученый исследовал 12 наиболее ярких малых планет (Церера, Паллада, Юнона, Веста, Геба, Ирида, Флора, Метида, Виктория, Белюна, Гармония, Эвринома). Согласно полученным результатам спектр малых планет оказался почти чистым отраженным солнечным спектром, не содержащим особых полос или линий поглощения. Исследуя спектограммы при помощи двух микрофотометров (Гартмановского и Молла), Бобровников сравнил интенсивность спектра малых планет (в определенных точках) со спектрами звезд сравнения ($15\ Sagittae$ и $\lambda\ Serpentis$), наиболее близких как по спектральному классу, так и по их звездной величине. Сопоставляя кривые для

Ликская Обсерватория
Фри Мэриленд Университет
Белмарс, Флорида

June 13, 1933

Dear Dr. Allen:

Things have changed here quite a bit. I am staying at the Perkins for another year on a small & quite indefinite salary.

McCord has been appointed to a school in Ballarat. She will write Mrs. Hitler very soon about it. We consider it best for her to accept this appointment as the situation here is by no means pleasant. My removal by the trustees has been requested by the President & Board of Trustees, and you know what that means.

Anyways, I hope to see you on the mountain some day early in August. We are leaving Delacore about July 15 & try to reach Berkeley by Aug. 1st. I shall have to be back in Berkeley by Sept. 1st.
We are driving in our car with stops in Chicago, William Bay and Yellowstone Park.

My greetings to Mrs. Allen.

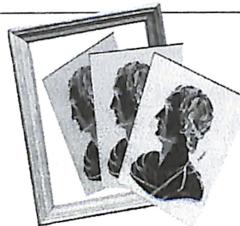
Yours sincerely
N. T. Бобровников

Письмо Н. Ф. Бобровникова
директору Ликской обсерватории Р. Айткену.
1933 год

малых планет и некоторых ярких комет, в непрерывном спектре которых также сильно ослаблена фиолетовая часть, Николай Федорович попытался провести аналогию между физическим строением малых планет и комет. Явление ослабления концов спектра он объясняет наличием у астероидов пылевых оболочек. Именно сходство спектров некоторых астероидов и комет (если исключить эмиссионные полосы в спектрах комет) привело Н. Ф. Бобровникова к неожиданной гипотезе, что малые планеты — это кометы, потерявшие под действием солнечного излучения свои газовые оболочки [9]. Следует отметить, что к 70-м годам XX ст. это предположение было отвергнуто в астрономических кругах [9].

В дальнейшем основная научная деятельность Н. Ф. Бобровникова сосредоточилась в области

изучения спектров и фотометрии комет. В Ликской обсерватории он использует в своей работе фотографические пластиинки, накопившиеся там за несколько десятков лет; Бобровников начал их измерять и сравнивать. Кроме того, благодаря участию администрации Ликской обсерватории удалось привлечь массив наблюдательного материала по комете Галлея Маунт-Вильсоновской обсерватории. Обосновывая привлекательность избранной им области научных интересов, астроном отмечал: «Происхождение астероидов — одна из наиболее трудных проблем космогонии. Мы должны объяснить не только существование большого числа малых тел между Марсом и Юпитером, но также и характер-

ные особенности структуры кольца астероидов...» [4, с. 87].

За два года, проведенных на горе Гамильтон в Ликской обсерватории, Бобровников осуществил целый комплекс важных исследований по сравнению оценок блеска кометы Галлея, выполненных с помощью инструментов разной светосилы. Измеряя и сравнивая огромное количество пластиин и спектрограмм, Бобровников смог проследить хронологию развития кометы, выделить новые изменения.

По окончании срока пребывания в Ликской обсерватории по ходатайству заместителя директора Р. Айткена, который вполне заслуженно называл Николая Федоровича «лучшим из докторантов Ликской обсерватории за последние тридцать лет», на 1929–1930 гг. Бобровников получил стипендию Национального научного фонда по физике США для проведения исследований кометы Галлея, которые продолжил в Калифорнийском университете Беркли [13, с. 50].

Он писал в 1930 году: «Вопрос о происхождении комет был предметом многочисленных исследований и гипотез. Главную трудность при этом представлял малый процент объектов, доступных нашему исследователю. В самом деле, до настоящего времени удалось наблюдать около 900 комет, включая и повторные возвращения периодических комет...»

Всякая космогоническая теория есть попытка нарисовать картину того, что случилось миллионы лет назад на основании данных за несколько столетий. Факт отсутствия комет с гиперболическими орбитами представляет нынешнее положение вещей. Миллион лет назад ситуация могла быть иной. Взгляд на кометы как следы явления, характерного для нашей солнечной системы сравнительно недавно, лучше чем какая-либо другая гипотеза удовлетворяет имеющимся фактам» [3, с. 4].

Летом 1930 года Н. Ф. Бобровников получил американское гражданство; в этом же году он женился на Милдрэд Ширрер, преподавательнице летней школы при Ликской обсерватории. Осенью он переехал в Огайо, где ему предложили должность доцента в государственном университете штата и место астронома в университетской Перкинсовской обсерватории, в которой достраивался 69-дюймовый зеркальный телескоп. Необходимо отметить, что после введения телескопа в эксплуатацию Бобровников в основном использовал его для изучения холодных звезд M-типа (в спектре их доминируют молекулярные полосы, на которых он и специализировался). Изучая полосы окислов металлов — титана, циркония и скандия, свои интересные выводы он представил в итоговой статье «Молекулярные полосы в звездных спектрах».

В 1931 году была опубликована одна из фундаментальных работ Николая Федоровича — объемная статья (177 журнальных страниц),

Федорович произвел тщательное исследование (по фотографиям) процессов, происходящих в комете Галлея в момент ее приближения к Земле, установив существование резких изменений в движении облачных образований в голове кометы. Бобровников рассчитал скорости разлета компонентов распадающейся кометы и получил очень точные значения от 300 до 1000 м/с.

К концу 1931 года Николай Федорович подготовил к печати обзор «Происхождение астероидов», в котором высказал смелую гипотезу, что все астероиды образовались от распада одной большой кометы, захваченной Юпитером и потом рассыпавшейся под воздействием приливных сил. И на этот раз смелое предположение астронома не произвело революции в научных кругах. Более того, согласно современным теориям, идея Бобровникова была изначально ошибочной, поскольку кометы таких огромных размеров исследователям не встречались. В среднем диаметры кометных ядер измеряются в пределах нескольких километров (не более 15 км), хотя размеры некоторых астероидов достигают 1000 км.

Основная научная деятельность Н. Ф. Бобровникова в Ликской обсерватории сосредоточилась в области изучения спектров и фотометрии комет

посвященная исследованию кометы Галлея, которая явилась важной вехой в развитии кометной астрономии. По воспоминаниям ученого, он, будучи еще гимназистом, в 1910 году наблюдал прохождение кометы по небу, явление, тогда не впечатлившее его [13, с. 46]. Николай

В годы «Великой депрессии» в Огайском университете сложилось особенно напряженное финансовое положение (в сравнении с другими американскими университетами): в начале 1933 года выплачивали не более 40 % зарплаты, а когда к маю 1933 года финансовое положение

университета еще более усложнилось, его администрация попыталась вообще сократить доцентскую должность Н. Ф. Бобровникова в целях общей экономии средств [14, с. 280]. Бобровникову удалось сохранить лишь малооплачиваемую обсерваторскую должность, а его жене пришлось вернуться в Калифорнию на преподавательскую работу, позволившую хоть как-то разрешить финансовые проблемы семьи.

Из письма Н. Ф. Бобровникова к директору Ликской обсерватории, датированного 20 мая 1933 года:

«Уважаемый доктор Айткен,

Я должен буду оставить обсерваторию Перкинса и сейчас иную работу. Ситуация кажется безнадежной. Я пишу Вам, хотя прекрасно осознаю, что мой шанс на получение любого места является практически нулевым. Однако может так случиться, что Вы располагаете какой-нибудь нагрузкой или должностью ассистента на полставки.

Наш Университет на мели. В прошлом месяце мы получили лишь половину своего и так уже урезанного жалованья, и никто не знает, когда может быть следующая выплата. Поскольку Рокфеллеровский фонд выделяет нам лишь столько, сколько Университет внес ранее, то общая сумма, направляемая на поддержку обсерватории, будет крайне мала и весьма сомнительна. Меня поставили в известность, что меня не смогут оставить (в университете. — Авт.) на следующий год.

Кроме этой неудачной финансовой ситуации есть и другие причины, по которым я должен уехать. Ни один уважающий себя ученый не станет долго работать под руководством господина Стэтсона, если он в состоянии помочь себе сам. Все это похоже на кошмар.

Недавно я проделал определенную работу по спектрам красных звезд в инфракрасной области со спектрографом Йеркской обсерватории. Это направление исследований может быть успешно продолжено

на горе Гамильтон (место расположения Ликской обсерватории. — Авт.), равно как и работа над моим каталогом комет» [12].

Следует отметить, что это была обычная ситуация для Соединенных Штатов того времени, когда небольшие университеты и колледжи, существовавшие преимущественно на государственные дотации, были вынуждены расставаться с большей частью своего преподавательского состава.

Лишь благодаря помощи О. Струве Н. Ф. Бобровников смог продержаться эти несколько тяжелых лет. Понапалу, единственный астроном в университетской среде, он временно занял должность директора университетской

Директор Перкиновской обсерватории
Николай Федорович Бобровников.
1948 год

Перкиновской обсерватории (1934—1937), когда в декабре 1933 года директор обсерватории Х. Т. Стэтсон уехал в Гарвардскую обсерваторию с твердым намерением не возвращаться в Огайо; затем стал полноправным руководителем этого научного центра (1937—1951), когда после настойчивого (и убедительного) ходатайства Отто Струве президент Огайского университета Э. Д. Сондер утвердил кандидатуру

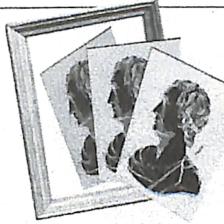
Н. Ф. Бобровникова. Новый директор обсерватории оказался талантливым ученым и достаточно успешным хозяйственником. Финансовое положение Перкиновской обсерватории стало настолько прочным, что спустя некоторое время Мэдред Ширрер, жена Николая Федоровича, смогла вернуться в Огайский университет к мужу [13, с. 62].

В личной беседе с автором статьи американский астроном и историк науки Роберт Маккатчен, изучавший документы архива Йеркской обсерватории (переписку Струве и Бобровникова 30-х годов XX ст.), рассказал, что ему удалось установить, что в годы Великой депрессии они использовали русский в качестве «тайного языка», поскольку конкуренция в среде астрономических научных центров за получение финансирования была крайне острой [1].

40-е годы XX ст. оказались очень плодотворными в жизни ученого. В 1942 году появляется фундаментальное исследование «Физическая теория комет в свете спектроскопических данных», которое сыграло важную роль в развитии физической теории комет. В дальнейшем многие ученые в своих работах опирались на данные, полученные Бобровниковым. Обобщив результаты более чем 4500 фотометрических наблюдений 45 комет за период с 1858 по 1937 год, Бобровников сосредоточил внимание на колебаниях блеска комет; их вековом убывании и связанной с этим проблеме истощения и дезинтеграции комет.

В 1944 году в возрасте 48 лет Н. Ф. Бобровников был призван в действующую армию и несколько лет прослужил в военно-воздушных силах США.

В 1952 году Н. Ф. Бобровникова пригласили в качестве научного консультанта в Баттлевский научный мемориальный институт, где он проработал вплоть до 1966 года, совмещая научную деятельность с преподавательской (должность профессора в Огайском государственном университете).

венном университете). Не прекрасная и исследовательской работы по кометам, в середине 50-х годов XX ст. Н. Ф. Бобровников писал: «За последние 50 лет при общем быстром развитии астрофизики малыми членами солнечной системы сильно пренебрегали. Это положение обусловлено трудностью проведения продолжительных и систематических

ять. Внимание большинства наблюдателей и теоретиков было направлено на решение этих больших проблем. Кроме того, присутствие диффузной материи в Солнечной системе, несомненно, связано с подобной

годах он переехал в Калифорнию (Беркли), где и прошли последние годы его жизни. Он умер 21 марта 1988 г. [14, с. 63].

В одном из своих рассказов Станислав Лем писал, что человечество не всегда нежно обращается с гениями. В средние века их нередко казнили «без пролития крови», то есть сжигали на костре, позднее, когда нравы смягчились, им уже позволяли умирать своей смертью — от голода. Сегодняшний день еще более демократичен: мы просто забываем их, и все-таки рано или поздно их ждет признание. В качестве компенсации этим людям может служить то, что в их честь сооружают памятники и фонтаны, называют площади, малые планеты или кратеры. Историкам же остается «лить слезы». И последние преимущественно успешно делают это.

*В 1952 году Н. Ф. Бобровникова
пригласили в качестве научного консультанта
в Баттелевский научный мемориальный
институт, где он проработал вплоть
до 1966 года, совмещая научную
деятельность с преподавательской*

наблюдений, а также недостатком наблюдателей. Огромная Вселенная с ее звездами и туманностями, при изучении которой поразительное развитие теории идет рука об руку с таким же поразительным развитием техники наблюдений, представляет собой слишком сильный соблазн, чтобы перед ним можно было усто-

же диффузной материи в других частях Вселенной, и полное понимание поведения самых малых членов нашей Солнечной системы способствовало бы изучению Вселенной вообще» [10, с. 173].

В 1966 году в звании «Заслуженного профессора» Николай Федорович уходит в отставку. В 80-х

*В качестве иллюстраций использованы
фотографии из Mary Lea Shane*

*Archives of Lick Observatory;
Ohio State University Archive*

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив автора, письмо Роберта А. Маккэтчена (США) к М. А. Балышеву, 27 августа 2004 года.
2. Балышев М. А. *Sic transit gloria mundi: Жизнь и творчество Отто Людвиговича Струве (1897–1963)* // Историко-астрономические исследования / Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.— Т. XXXII.— М.: Наука, 2007.— С. 138–206.
3. Бобровников Н. Ф. Кометы и космогония // Мироведение.— Т. XIX.— 1930.— №1.— С. 1–6.
4. Бобровников Н. Ф. Происхождение астероидов // Успехи астрономических наук.— 1932.— №1.— С. 87–96.
5. Бобровников Николай Федорович // Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века. Энциклопедический биографический словарь.— М.: Российская политическая энциклопедия, 1997.— С. 93–95.
6. Мальцев В. А. Новости астрономии // Известия Русского общества любителей мироведения.— Т. 16.— 1927.— №3.— С. 41–44.
7. Орлов С. В. О природе комет.— М.: Издательство АН СССР, 1960.— 190 с.
8. Орлов С. В. Спектроскопия комет // Успехи астрономических наук.— 1935.— № 4.— С. 46–60.
9. Путилин И. Научные новости и заметки // Природа.— 1929.— №7–8.— С. 699–701.
10. Струве О., Зебергс В. Астрономия XX века.— М.: Мир, 1968.— 548 с.
11. Mary Lea Shane Archives of the Lick Observatory. The University Library, University of California, Santa Cruz / «Directors papers»: «Bobrovnikoff N. T. My Life. Part I. 1896–1924».— 350 p.
12. Mary Lea Shane Archives of the Lick Observatory. The University Library, University of California, Santa Cruz / «Directors papers»: N. T. Bobrovnikoff to R. G. Aitken.— 1933.— May 20.
13. Osterbrock D. E. Nicholas Bobrovnikoff and the Scientific Study of Comet Halley 1910 // Mercury.— Vol. 15.— 1986.— P. 46–50, 63.
14. Osterbrock D. E. Yerkes Observatory (1892–1950): The Birth, Near Death and Resurrection a Scientific Research Institution.— Chicago: The University of Chicago Press, 1997.— 384 p.